

О. С. Кругликова

**«МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ» М. Н. КАТКОВА
В ПОЛЕМИКЕ О РЕФОРМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В 1860–1870-х гг.**

Согласно гимназическому уставу 1864 г. гимназии в России делились на два типа: классические, имевшие в программе изучение древних языков и дававшие выпускникам право поступать в университеты; и реальные, в программе которых преобладало естествознание, а древние языки отсутствовали. Выпускники реальных гимназий могли продолжить образование в высших специальных училищах технического свойства. Оба типа гимназий имели общий статус общеобразовательных начальных учебных заведений, а министр народного просвещения имел право преобразовывать классические гимназии в реальные.

С критикой такой системы начального образования в 1860-х гг. выступил в печати редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков (1818–1887). Он видел в разделении гимназий внутреннее противоречие: если и те и другие есть общеобразовательные учреждения, почему одни из них лишены права аттестовать выпускников в университет? Если же реальные гимназии, «вопреки предписанному им в уставе свойству общеобразовательности суть более или менее школы специального свойства», то почему их учебный план «не заключает в себе приспособления ни к какому техническому делу»?¹

Катков предлагал разрешить это противоречие, реформировав школу в духе классицизма. Он пропагандировал сосредоточение учебной программы на трех основных предметах: греческом и латинском языках и математике. Для того чтобы эти предметы стали преобладающими в гимназическом расписании, он предлагал «потесниться» естественно-научным предметам: географии, физике и химии.

Древние языки, по мнению Каткова, есть «педагогическое орудие», задача которого служить гимнастикой для формирующегося ума, который, приобретая этой гимнастикой навыки мышления, анализа и умственного трудолюбия, «сам, без помощи учителей, легко приобретет все разнообразные сведения, которые ему понадобятся» [Моск. ведомости. 1864. № 238].

Преподавание наук — это дело университетов, гимназия же должна обеспечить «сосредоточение, собирание умственных сил» [Там же. 1864. № 238], поэтому необходимо выделить несколько предметов, на которых учащиеся концентрировали бы умственные усилия в ходе обучения в гимназии.

КРУГЛИКОВА Ольга Сергеевна —руководитель отдела коммуникации информационной компании «Легс», С.-Петербург (E-mail: olgakruglikova@yahoo.com).

© Кругликова О. С., 2008

Предмет, посредством которого совершается умственная концентрация, должен быть таким, утверждает Катков, «чтобы сущность преподавания как можно менее зависела от произвола или личности преподавателя», и «не изменяться в своей сущности, приноравливаясь к возрасту» [Моск. ведомости. 1865. № 273]. Этим требованиям, по мнению Каткова, отвечали только древние языки.

У классической системы образования, как она виделась Каткову, было много противников. В ней видели систему схоластическую, стремящуюся наполнить ум юношей пустым знанием, не применимым к жизни, в то время как обществу требовались образованные специалисты-практики: врачи, учителя, инженеры и т. д.

В журналистике 1860-х гг. противниками концепции Каткова были прежде всего журнал «Вестник Европы» и газета А. А. Краевского «Голос».

«Вестник Европы» открыл в 1-м номере за 1866 г. рубрику для освещения вопросов образования. «Педагогическая хроника» составлялась трудами профессора В. И. Модестова, представляла собой значительную часть журнала, имела собственную пагинацию. «У нас педагогия... есть дело государственной важности»², — писал «Вестник Европы».

«Вестник Европы» указывает на то, что учреждение реальных гимназий — вопрос во многом экономический, вызванный высокой потребностью в технических специалистах «среднего звена». Обучать же всех в соответствии с классической системой образования, — это непозволительная роскошь для государства. «Желать устремления целого общества на... классическое образование, значило бы желать вместе с тем такого высокого экономического развития страны, которое немыслимо в настоящую минуту» [Вести. Европы. 1866. № 1. С. 4].

Вступая в полемику относительно роли «мертвых языков» в образовании, «Голос» пишет: «...Преподавание древних языков в общеобразовательных учебных заведениях решительно неуместно; если оно и удержалось, то лишь благодаря консерватизму некоторых педагогов, <...> силящихся вдохнуть хоть какую-нибудь жизнь в эту почтенную мумию»³.

Катков отстаивал преимущества классического образования, подчеркивая, что оно существует на протяжении многих веков в странах Европы, которые сформировали сокровищницу человеческой цивилизации. Преимущества классической системы, пишет Катков, — это «...факт, и притом не отдельный и случайный, а всеобщий», доказанный успехом европейской науки [Моск. ведомости. 1871. № 99].

«Вестник Европы» возражал, что «классические языки не заключают в себе никакого таинственного влияния на развитие умственных способностей». В Европе же «...знание классических языков составляло насущную потребность общества, причем самую материальную. В течение нескольких веков нельзя было <...> сделать общественного карьера ни в церкви, ни в

светском обществе, если не было знания латинского языка». «Даже и теперь, — иронизирует автор, — только латинские гимназии дают право на поступление в университет, что... ведет всякого к приобретению чина» [Вести. Европы. 1866. № 1].

С этим соглашается и «Голос»: «Если мы не желаем преднамеренно закрывать перед нашими детьми дороги ко всем возможным успехам в жизни, то должны принудить их к преодолению... трудностей латинского и греческого языков, хотя... они также мало будут нуждаться в этих знаниях, как и мы»⁴.

Для Каткова, однако, дело учебной реформы было делом не только науки, но и политики. «Педагогическое дело есть сеяние, и жатва его восходит лишь по прошествии многих лет» [Моск. ведомости. 1864. № 238], и неправильная организация обучения в школах была, по Каткову, главной причиной революционизированности молодежи.

В начале 1868 г. Катков вместе с соратником, проф. П. М. Леонтьевым, открыли в Москве Лицей, который применял отстаиваемую Катковым классическую систему на практике. И это не единственная попытка Каткова принять практическое участие в реформе образования. Он стремится оказать влияние не только на читателя посредством газеты, но и на чиновников, и даже на государя.

Большой удачей для Каткова было назначение на пост министра народного просвещения в 1866 г. графа Д. А. Толстого. Это была одна из многочисленных мер, принятых властями в результате испуга, в который повергло правительство покушение Д. Каракозова на Александра II. Кроме того, до назначения министром Толстой занимал пост обер-прокурора Синода, и император предложил ему оставить за собой обе должности, что подчеркивает желание власти усилить влияние церкви на образование.

Катков был лично знаком с новым министром, правда, его журнал «Русский вестник» конфликтовал с Толстым как с обер-прокурором Синода⁵, но редактор «Московских ведомостей» в интересах дела всегда сотрудничал с прежними противниками. Катков сознавал, что он, как человек, имеющий готовую программу действий, может оказаться полезен беспомощному на первых порах в новой области министру и сможет влиять на ход образовательной реформы.

Граф Толстой забыл о прежних обидах и, «как весьма мало знакомый с предметом выпавшей на его долю задачи... подпал под опеку кружка знатоков классицизма»⁶, душою которого был Катков. У Толстого «...не было собственных идей, и он жадно уцепился за человека, который стоял перед ним с вполне готовою программой»⁷.

Катков получил необходимое влияние на министра народного просвещения, но теперь перед ним встала задача отстоять «нужного» министра перед нападками оппозиции и критикой общества.

Переписка Каткова с Александром II и Александром III свидетельствует о его стремлении подчеркнуть достоинства Д. А. Толстого как государственного деятеля.

Опасаясь быть обвиненным в личной заинтересованности, Катков пишет: «Я не имею никаких личных пристрастий к графу Толстому. Сблизился я с ним лишь в интересах дела... в личных же моих к нему отношениях я имел бы скорее повод чувствовать себя недовольным»⁸.

Гимназическая реформа Д. А. Толстого 1871 г. сделала классическую гимназию «единственным типом общеобразовательной всесословной средней школы, питомцы которой одни имели право поступления в университеты»⁹. На смену реальным гимназиям пришли реальные училища, выпускникам которых путь к высшему образованию был закрыт. Реформа «возбудила против себя прямую ненависть, хотя в основе своей имела правильную мысль о высоком воспитательном значении классицизма»¹⁰.

Благие намерения реформаторов разбились о проблему нехватки кадров. «Вестник Европы» еще в 1866 г. писал: «Откуда же мы себе ожидаем в настоящее время учителей? Конечно, историко-филологические факультеты могут доставлять нам отличных ученых и весьма образованных людей; но... лучший профессор университета... будет самым плохим учителем гимназии...» [1866. № 3. С. 5].

Преподавать древние языки так, чтобы они стали основой умственной концентрации, как того хотел Катков, могли только люди с глубоким пониманием предмета. Но таковых-то и не оказалось в России, где в течение почти двадцати предшествующих лет древние языки выживались из учебных планов. Прибегали к услугам иностранцев, которые хорошего преподавания обеспечить не могли, ибо сами не без трудностей объяснялись по-русски. В итоге «в курсе древних языков основное внимание уделялось заучиванию форм латинской и греческой грамматики, письменным переводам... без понимания глубины содержания»¹¹.

Не лучше обстояло дело и с классными наставниками, воспринявшими предписанное им наблюдение за нравственностью учащихся как приказ доносить о неблагонадежных. Ученики не только чуждались «воспитателей», но и начинали раздражаться шпионской опекой, так что труд классных наставников не оберегал гимназистов от интереса к крамольным веяниям, а разжигал этот интерес. Неутешительные плоды реформы¹² вызвали массу протестов в обществе.

Толстой был смещен с должности министра народного просвещения в 1880 г. благодаря влиянию нового министра внутренних дел графа М. Т. Лорис-Меликова. Отставка Толстого значительно пошатнула влияние Каткова. Позиция Каткова в вопросах образования и его поддержка реакционного министра стали окончательным размежеванием его с либерализмом, в результате которого издания Каткова стали интересны только для узкого кру-

га лиц, придерживающихся консервативной идеологии. Либерально настроенные читатели, ценившие «Русский вестник» конца 50-х гг. и даже «Московские ведомости» времени польского восстания 1863 г., в конце 1860-х гг. отвернулись от изданий Каткова; позиция же его по вопросам образования еще раз наглядно продемонстрировала направление, в котором эволюционировали его журнал и газеты.

¹ Моск. ведомости. 1871. № 144.

² Педагогическая хроника // Вести. Европы. 1866. № 1. С. 1.

³ Голос. 1866. № 7.

⁴ Полетика И. Нерадение к древним языкам или какая-либо другая причина препятствовала русским успехам в разработке наук? // Голос. 1866. № 40.

⁵ Об этом см.: Любимов Н. А. М. Н. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889.

⁶ Мещерский В. П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 557.

⁷ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы: Воспоминания. М., 1991. С. 180.

⁸ Российский государственный исторический архив, ф. 1101, оп. 1, д. 705, л. 19.

⁹ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб., 1997. С. 800–801.

¹⁰ Там же. С. 801.

¹¹ Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / Под. ред. В. В. Давыдова. М., 1993. Т. 1. С. 212.

¹² Об этом см.: Цирульников А. М. История образования в портретах и документах. М., 2001; Вигдорев А. Г. Средняя общеобразовательная школа пореформенной царской России и ее место в политике самодержавия. М., 1952; Камоско Л. В. Политика правительства в области среднего образования в 60–70-х гг. XIX в. М., 1970.

Статья поступила в редакцию 27.03.2008 г.